

АРЬЕ ЭЙТАНИ

Арье Эйтани (Гутман)

Интервью от 19 февраля 1977 года.

Интервьюер Сарит Левингтон.

Герцлия.

Язык иврит.

Перевод на русский Саши Галицкого 29.07.20 — 08.08.20

Перевод дополнен другими интервью Арье Гутмана, находящимися в открытом доступе в интернете.

Меня зовут Армандо Гутман. Я родился в 1927 году в Милане, Италия. Мою маму звали Этель (Эстер), отца звали Самуэль (Шмуэль). У меня нет ни братьев, ни сестер — в семье я рос один. Мой папа был продавцом изделий из металла, это то, что я помню. Помню, что он продавал бритвы для бритья, ножницы. Мама была домохозяйка.

Мы были очень далеки от религии. Я знал, что я еврей, но не более того. Я рос итальянцем. Когда мне исполнилось лет шесть, наша семья переехала на юг Италии, в Пескара. В Милане папа разорился. Я помню, что сначала в Милане у него был автомобиль с водителем, но когда мы попали в Пескару, он уже просто работал в каком-то агентстве. Почему — я не знаю.

Я ходил в обычную итальянскую школу как все, вот только от уроков закона божьего я был освобожден, как еврей. В ведомости было записано: «Изучение религии на усмотрение родителей», что-то в этом духе.

Как всякий итальянский ребенок того времени, с 6 лет я состоял в детском фашистском движении Балилла, вид итальянского гитлерюгенда. Наши отряды назывались «Сыновья волчицы», по-итальянски «Figlio della lupa».

При этом я не ощущал никакого антисемитизма. У меня была форма, и я был одним из лучших. Я помню даже, что мне предложили даже стать или барабанщиком, или командиром группы.

Я выбрал командиром. Еще я собирал марки. Я их, кстати, до сих пор собираю. В 1939 году вышел новый закон, по которому все евреи с иностранным гражданством должны были покинуть Италию. Помню, что мне было трудно объяснять своим друзьям по отряду, почему я должен уезжать. Они не понимали, чем я отличаюсь от них. Нам было по 12 лет.

Короче, дядья мои разъехались кто куда. Один переехал в Перу, другой во Францию, и оба приняли христианство. Мы как раз нет. Отец собирался было переезжать на Кубу, но в последний момент решил вернуться в Венгрию.

Мы знали, что в Европе началась война, но о преследовании евреев мы даже не догадывались.

Мы вернулись в Венгрию, в город Егер, на севере Венгрии, где родились мои родители. Там жили дед и бабушка с маминой стороны, и бабушка с папиной. Мы вернулись на их двор.

Там уже папа не смог найти себе подходящую работу, и стал работать в еврейской общине кем придется.

Я пошел в школу, но мне пришлось пропустить класс, чтобы выучить венгерский язык.

До 1944 года я учился в школе. От Венгрии у меня остались только плохие воспоминания. Я говорю, что если в Италии я совсем не чувствовал себя каким-то другим, чужим из-за своего еврейства, то в Венгрии мне очень скоро дали это почувствовать.

Меня дразнили «вонючий еврей», на что я сразу отвечал «вонючий христианин», и был не раз бит.

Бабушке даже приходилось провожать и встречать меня из школы, чтобы избегать конфликтов. Венгерские евреи, как видно, привыкли ко всему, и когда на них плевали, они говорили «идет дождь», но я не был к этому готов и давал обидчикам отпор.

Учителя тоже были в основном антисемиты. Скажем, директор нашей школы и учитель рисования. Когда я был в 4-м классе, однажды я вступился за еврейского мальчишку из первого класса и ввязался в драку. За это меня хотели отчислить из школы, и папе пришлось идти к директору, извиняться и просить за меня.

Как мой отец вообще попал в Италию? После Первой мировой войны в Венгрии начался коммунистический переворот во главе с Бела Куном. Папа был среди коммунистов. Переворот оказался неудачным, и после разгрома отец сначала два года отсидел в тюрьме, а потом не смог найти работу и как коммунист, и как еврей, и решил уехать в Италию.

Начиная с 1943 года пожилых евреев (каким считался и мой отец) начали забирать на принудительные работы. А в 1944 году нас переселили в гетто. В гетто жили только старики, женщины и дети. Взрослые, как я сказал, находились в лагерях здесь же, в Венгрии, на принудительных работах. В одной квартире обычно жили по 5-6 семей. Мебель, и в основном пианино, отнимали жандармы. «Город был освобожден от евреев», — как писали в газетах.

Я жил с мамой, бабушкой, дедушкой, тетей и дядей в одной квартире. Мне было 17. Еда еще была. Откуда? Из денег, отложенных на «черный день». Но было очень тесно.

Я был испуган. Я чувствовал себя человеком второго сорта. Я не знал тогда, что евреев сжигали в печах. Более того, даже находясь в Освенциме я не знал, что евреев убивают в газовых камерах.

Я расскажу об этом позже.

Я оставил гетто 7 июня 1944 года. Эта дата еще возвращалась в моей судьбе — 7 июня. Прошло ровно 4 года и 7 июня я попал в плен к сирийцам. Но тогда, 7 июня 1944 года американцы открыли второй фронт. Все уже позади, сколько может это продолжаться? — думали мы. Я еще раз говорю. Я не верю в молитвы, но эту дату я не забуду никогда.

Гетто освобождалось. Нам разрешено было взять с собой по одному чемодану вещей. После войны я узнал, что в опустевшее гетто сразу зашли венгры и растащили все, что там оставалось.

Нас погрузили в грузовики и отвезли на кирпичный завод. Там нам устроили акцию? Или селекцию? Женщин увели в соседний лес. Я думаю, что их там изнасиловали. Мужчин избивали, часть их них после побоев уже не поднялись. Какие мужчины? Старики! Ведь мужчины помоложе работали в трудовых лагерях. На кирпичном заводе нас продержали три дня. Мы спали в муфельных печах. Но это все ерунда по сравнению с тем, что ждало нас потом.

9-го июня нас загнали в вагоны. Кстати, мою маму в лес не взяли, ей было уже 48 лет. В лес взяли девочек.

Нас забили в вагоны. Сколько нас было? 70? 80? 90 человек? Я не знаю, я не считал.

Не было еды, воды, туалета не было. Воздуха не было! Некоторые задохнулись уже в вагонах. Я не помню сколько дней мы ехали. Может быть три дня?

Мы приехали в Освенцим.

Потом, когда некоторые из нас добрались до Палестины, местные «сабры» не очень хорошо к нам относились. Они не понимали, почему европейские евреи позволяли с собой так поступать. Они называли нас «мыло», «обмылки».

Итак, состав ехал без остановок. Мы ходили под себя. Хотя нет, остановки были.

В вагоны врывались венгерские жандармы, избивая и отнимая последнее.

Поезд остановился. Открылись двери и вдруг я увидел много других людей, бритых наголо мужчин и женщин, одетых в полосатую одежду.

Крики, приказы выходить из вагонов, оставив там все вещи. Немцы, лай собак.

Состав был очень длинный. Нас тут же разделили на две группы — мужчин и женщин. Я был с дедушкой. Сколько ему было? 70? 80? Я не помню. Он ходил с палочкой.

Это был лагерь Освенцим-Биркенау. Ко мне подбежал один, тоже в полосатой одежде, и оттолкнул меня от деда. Так я спасся в этой селекции. Если бы я стоял рядом с дедом, то меня бы убили вместе с ним, ведь немцы старались избегать лишних криков и плача и не отрывали детей от матерей и близких. Они сжигали всех.

Нас собрали в колонну по шесть. Я увидел д-ра Менгеле. Он стоял молча, только поворачивал палец направо или налево. Судьбу тех, кому указано было пойти налево, знают только историки.

Он указал мне направо. Нас заставили раздеться и взять с собой лишь ботинки и пояс. Побрили везде, где только на теле растут волосы. Это было унижительно. Раздали полосатую одежду. Нам не делали татуировку, не знаю почему. Может потому, что это уже был конец войны? Не знаю. На груди был пришит мой номер. 71580. Я лучше помню его на немецком. Einundsiebzig fünfhundertachtzig.

«Айн унд зибцих фюнф хундерт унд ахтциг».

Он у меня в памяти навсегда.

Дня три мы прожили в бараке в лагере с цыганами. Мы спали на голых досках без одеял, прижавшись друг к другу для тепла. Переворачивались с боку на бок все вместе. Я старался находить себе место в середине, чтобы не замерзнуть. Что мы ели я не помню. Помню, что цыгане над нами издевались, подбрасывая куски хлеба вверх.

Это их развлекало — глядеть, кто поймает.

Через три дня нас погрузили опять в вагоны. Кстарту, мы видели дымящиеся трубы крематория Освенцима, только не знали, что это. Мы думали, что сжигают умерших.

Да, я забыл сказать. Во время селекции Менгеле безошибочно отделил всех детей, моложе 17 лет. У нас в бараке все были старше 17-ти. Я был еще с дядей, ему было лет 30. Мы были с ним все время еще по пути в Освенцим, он мне был как отец.

Мы приехали в другое место, где было построено 11 барачков. В каждом бараке, который был предусмотрен на 150-160 человек, нас было 300 — 400.

Хотя мы и были рады не видеть больше труб крематория, у нас было очень много мертвых. Кто умирал от болезни, кто от депрессии, а кого убивали. Каждый второй погиб.

Вначале каждую буханку хлеба мы ели втроем, а потом уже делили на 20 человек. То ли немцы урезали, то ли те, кто работал на кухне (там было самое главное место!) Было много начальников — капо, кладовщики, и другие, которые получали больше еды.

Еще раз. В начале нам давали даже маргарин и варенье. А мой дядя тогда свою порцию отдавал мне.

Я не рассказал про наши работы. Нацисты разрабатывали какой-то новый самолёт. А мы строили для них подземные капониры на глубине 25 метров под землёй, длиной 400 метров и шириной 80. Много евреев погибло тогда при строительстве. Я потом это все уже узнал, уже после войны. Мы работали по 11 — 12 часов, в две смены. Вначале я работал вместе с дядей, потом нас разделили и я стал работать в ночную смену. Хотя днем спать в лагере толком нам не давали — или какая-нибудь селекция, или же капо наказывали кого-нибудь, или еще что-то.

Было тяжело.

Про моего дядю. Однажды ночью мы встретились — я заходил на смену, а он выходил. И мы ели вместе ужин. Он куда-то меня послал... я уже не помню... То ли позвать кого-то, то ли что-то принести... Но когда я вернулся, не было уже не было ни моего дяди, ни моего ужина... Ты представляешь, что это?! Чтобы дядя украл у меня ужин?! Если бы я встретил его потом... не знаю... я бы его убил.

Четвертый барак стал тифозным бараком. Кого отправляли туда — тот уже не возвращался назад. В лагере был ров, куда бросали трупы.

Кто-то бросался на забор под напряжением, чтобы покончить с этими муками сам. Однажды я нашел на дороге картофелину, и тут же засунул ее в карман. Но, скорее всего, это была ловушка, и меня тут же поймали. Меня избили и отвели к немцам. Они воткнули мне эту картофелину в рот и поставили на всю ночь между двумя заборами под высоким напряжением. Такое было наказание. В ту ночь я мог бы сдохнуть, но мне хотелось еще пожить. Каждый прожитый день был чудом. Еще я вспоминаю. К осени мои ботинки совсем прохудились. Я набил туда газет и пошел к кладовщику-еврею. Я попросил у него ботинки, там их было тысячи. Тысячи пар обуви людей, убитых или умерших. Кладовщик ударил меня по лицу и прогнал. Что я такого у него попросил?! Я попросил у него ботинки, которые ему были совсем не нужны.

Там каждый был за себя.

Вспоминаю как однажды я нашел на земле окурки. А три окурка уже ценились как кусок хлеба.

Короче, моя работа была носить на плечах мешки с цементом. А также выносить мертвых. Мы прокладывали рельсы.

Однажды прибыла новая группа из Освенцима, в гражданской одежде, и только на воротниках у них были пришиты прямоугольники с номерами.

Они рассказали мне о газовых камерах, о том, что моя мать давно сгорела в печи, так как ей было уже 48 лет и она была неспособна к работам. И чтобы я ее не ждал.

Я не хотел дальше жить. Я был болен. Я был постоянно на холоде, в мокрой одежде. Я решил броситься под проходящий поезд и подошел к рельсам. Я бы прыгнул, но кто-то схватил меня и избил. Я был весь в крови, у меня до сих пор на голове остался шрам.

Подошел солдат вермахта и спросил того, кто меня избил, за что он это сделал?

Тот ответил что я, вместо того, чтобы работать, хочу броситься под поезд.

Солдат повел меня с собой. Я думал, что это мой конец. Но он привел меня куда-то, приказал высушить белье и дал мне свой бутерброд. Он спросил меня отчего я хочу умереть.

Я рассказал ему все — о войне, об отце и о маме.

Он сказал мне, что недавно вернулся с русского фронта, что нацисты отступают и что война скоро закончится. Но главное — он дал бутерброд, ты представляешь?!

Наутро я встретил этого солдата вновь, но больше я его не видел.

Нас наказывали за любую провинность. Я вспоминаю одного, который боялся выйти ночью в уборную (могли застрелить за шатание вокруг барака) и он поссал в бутылку.

На него кто-то пожаловался и утром он получил наказание. Сначала его заставили выпить из этой бутылки, а потом он получил 50 ударов палкой. Он больше не поднялся с земли.

В бараках спали на двух ярусах. И было полно вшей. Утром и вечером мы давили вшей. А потом — я не забуду никогда — в день освобождения на нас побрызгали DDT — и пропали вши.

Однажды мы работали в поле, рядом с ж/д путями. Поле было полно кормовой свеклы. И, как только немец отвернулся, я съел свеклу целиком. Я тогда все ел. Улиток, траву. Говорят (я не видел), что у нас в лагере ели людей. Я не видел. Я пережил три селекции. Надо было поднимать штанины и проходить мимо нацистского врача. Людей с опухшими ногами отправляли на уничтожение. Два раза я прошел, а на третий меня отправили в вагон, куда-то везти. Но я выскочил из вагона через другую дверь, прополз между шпал и вернулся в лагерь. Я очень хотел жить.

Я был в команде, которая утром отвозила трупы. Если вначале за ночь было 2-3 трупа, то в конце из было уже 20-30.

Но основная работа была таскать мешки с цементом.

В декабре 1944 нас перевели в другой лагерь. Там нас охраняли уже не солдаты, а гражданские со свастикой на рукаве. Хотя убить еврея им тоже ничего не стоило.

Потом был Марш смерти. Всех, кто отходил в сторону или задерживался, стреляли на месте.

Помню, как на обочине дороги стояла немка с ребенком, который грыз яблоко и и бросил огрызок на дорогу. Я схватил этот огрызок и съел его. Она смотрела на меня с ужасом, но мне было все равно. Я ел все. Однажды, когда я чистил немецкую казарму, я нашел в мусорном баке пустую банку из-под сардин и вылизал оттуда все масло. На меня тоже с ужасом тогда смотрел какой-то солдат, но мне было все равно. Я был очень слаб. Последний мой одногодок погиб во время американской бомбежки. Я был очень болен.

Вот мы дошли до города Allach. Это был уже самый конец. Я ничего не соображал. Не помню, сколько дней я провел в том бараке. Нас ничем не кормили и не поили, я не знаю сколько прошло дней. Долго я бы не выдержал.

Каждое утро выбрасывали трупы, их вывозили на тачке и сбрасывали в яму.

Но однажды утром вдруг наступила тишина.

И раздались крики евреев: «Немцы ушли!»

И все, у кого еще оставались какие-то силы, бросились к продуктовым складам.

Я не знаю, отчего эти люди умирали — от разрыва желудков или кишок, но вся дорога к складам была завалена трупами.

Часть третья.

Вторая кассета, 17(!) всего просмотров в ютубе.

«... Когда потом меня взвесили, я весил 30 кг. Потом я узнал и число, когда нас освободили — это произошло 1 мая.

Там дневников я не вел.

Я не мог уже ходить, поэтому на склады с продовольствием я пополз. Хорошо, что я не дополз до еды на складах. Я бы погиб.

Все, что попадалось мне на пути по дороге — я все съедал. Картофельные очистки, куски хлеба — все.

Вдруг перед собой я увидел сапоги. Я поднял голову и увидел американского солдата, черного. Он показался мне великаном, может потому, что я полз по земле.

Он дал мне сигару, которую я тут же засунул себе в рот и стал жевать. Солдат исчез.

Сначала американцы не знали, что необходимо нас ограничить в еде, и стали это делать только тогда, когда увидели, что люди погибают.

У меня появился друг — пожилой венгр-коммунист.

Нас перевели в другой лагерь, Дахау. А в наш лагерь поместили пленных немцев.

Меня хотели отправить в больницу, но я не дался. Я боялся всего. И только ел и ел. Я ел по ночам. Когда я освободился из лагеря, я уже весил 80 кг.

Постепенно евреев начали возвращать в страны, откуда их согнали. На поездах.

Так я вернулся в Венгрию.

Я ненавидел венгров больше немцев.

Они нас предали, хотели избавиться от евреев и предали нас. Они разграбили все, что только смогли.

Я помню, как вернулся домой. Это было ночью. Я постучал в дверь и мне открыл отец.

Отец был уверен, что я погиб. Погибли все, кто попал в Освенцим, вся наша семья.

Я один выжил.

Я часто спрашивал себя: почему я выжил в лагере? Почему другие погибли? Я был ни умнее, ни сильнее других. Я был как все. Я не могу объяснить. Может, надо спросить у психолога, и он объяснит и даст ответ на это. Я был не лучше других.

В 1945 году мне было 18 лет.

Я вернулся к отцу. Но была еще одна вещь, которая добила меня.

Мой папа женился.

Я говорил, что его в 1943 году забрали в трудовой лагерь на принудительные работы там, в Венгрии. Там многие выжили. Конечно не те, которых заставляли разминировать минные поля. Но те, как мой отец, которые работали на венгерскую армию — выжили многие.

И мой отец женился, у него была новая жена. Она, правда, ко мне хорошо относилась, но это была не моя мама.

Я не мог там жить. Я хотел оставить их дом. Я хотел учиться.

Папа сказал мне, что не надо приобретать специальность и идти работать, так как интеллигентов сейчас, после войны, не надо. Папа был коммунист. В то время быть коммунистом вдруг стало хорошо, он получал разные работы от партии.

Я пошел учиться на зубного врача. Но мне было плохо в Венгрии. Я видел там всех этих людей, которые еще пару лет назад поддерживали нацистов, и вдруг перекрасились и стали за коммунистов.

Евреев вокруг уже почти не осталось.

Неожиданно я повстречал Иону Розенкьера, бывшего парашютиста, заброшенного еще к нацистам в группе с Ханой Сенеш. Иона искал оставшуюся в Европе еврейскую молодежь.

Я сказал ему, что готов оставить Европу, но мой папа хочет, чтобы я сначала получил специальность и выучил язык. Иона ответил, что это ерунда, что в Палестине в каждом кибуце есть зубной врач, и что язык можно выучить как учат все, в ульпане.

И мой отец сдался. Начиналась нелегальная эмиграция евреев в Палестину.

Отец остался в Венгрии. Он не знал языка и не хотел начинать новую жизнь на новом месте. Он был необразован, специальности как таковой у него не было.

После войны он неплохо устроился. Он был таким «народным судьёй», он решал кто во время войны был нацист, а кто коммунист. Он сидел рядом с настоящим судьёй и решал у кого забрать бизнес и кому его отдать.

Сейчас таких работ уже в мире, я думаю, нет.

Я пришел к берегам Хайфы на судне «Кнессет Исраэль» в 1946 году. Мы шли из Югославии, кроме нашего было еще одно судно — «Анастасия». Теснота была страшная, мы шли месяц.

Но это, ребята, не все. Тот, кто думал, что приключения Армандо Гутмана закончились на том, что он прибыл в воды Хайфского порта, тот ошибался.

Предыдущая история Арье напечатана тут, в ФБ, в трех постах, начиная со вчерашнего утра.

«Наша эмиграция была нелегальная. Англичане засекли нас и брали наше судно на abordаж. У нас был короткий бой, мы бросались в них банками с консервами. Я

стоял в обороне, и возле меня на брезент упала граната со слезоточивым газом. Пока она не взорвалась, я не долго думая бросил ее обратно англичанам. Тогда они начали стрелять. У нас было четверо погибших на судне. Мы сдались и нас отправили на Кипр.

Британцы создали на Кипре 12 концлагерей для евреев, бежавших из Европы и пытавшихся добраться до Палестины. Ну там, по сравнению с Освенцимом, был просто дом отдыха. Там мы учили иврит и в основном злились англичан.

Однажды утром, когда я проснулся опять, снова в бараке, и мне показалось, что на вышке нас охраняет не англичанин, а немецкий фашист. Он показался мне нацистом! Я недолго раздумывал и убежал из лагеря. Но меня очень быстро поймали. Честно сказать, если бы я знал, что меня ждет — я бы не стал так наглеть. Меня завели в кабинет и стали допрашивать. Для начала я сказал, что говорю только по-итальянски. Пока мне искали переводчика, я перевернул стол с сигарами. Когда перевели переводчика, я стал орать, что они не имеют права меня тут держать, еще что-то, я не помню что еще я им кричал — но я вел себя некрасиво. Потом я не хотел им называть свое имя. Меня тогда звали Ари Гутман, или Армандо по-итальянски. Потом, когда они дали мне подписать протокол, я подписал «Армандос Тухес»...

Потом был суд, на суде я тоже вел себя некрасиво и наглел, как мог, и за это все получил 3 месяца тюрьмы в Ларнаке. Я был первый (а может, единственный?) заключенный еврей из всей нашей нелегальной эмиграции. Я отсидел четыре месяца и вернулся в наш пересыльный лагерь. К тому времени там нас уже готовили к моменту, когда мы получим сертификаты и нам будет разрешено попасть в только что образовавшуюся еврейскую страну. В день провозглашения независимости государства Израиль мы танцевали ночь напролёт. 14-го мая, кстати как раз в день моего рождения!

На Кипре меня взяли на курс командиров отделения.

Год я провел в лагере для перемещенных лиц на Кипре. Потом Голда Меир послала сертификаты для возвращения нас в Палестину. Мы их очень ждали. Но когда стали зачитывать имена, вдруг я слышу: «Армандос Тухес!» Я закричал «спасите», с фамилией «Тухес» я не поеду в Израиль, лучше я останусь навсегда на Кипре!

Я побежал к начальству, и как-то им удалось исправить мне фамилию обратно на «Гутман».

Кстати, оттуда взялась моя фамилия Эйтани, сейчас расскажу. Нашего инструктора на Кипре — рыжего, наглого «сабру», родившегося в Палестине, звали Эйтан («сильный, мощный, прочный, устойчивый» — (ивр.), и он был настоящий израильтянин. А мы были забитые, испуганные, после всего, что пережили. И тогда я подумал, что если у меня когда-нибудь будет сын, то я назову его Эйтан.

Но как только я оказался в Израиле, я сам решил покончить со своим прошлым и взял себе фамилию Эйтани.

В Израиле я оказался в кибуце Тель-Хай. Началась Война за освобождение. Поселение Мишмар-ха-Иорден было в осаде. Я вызвался добровольцем и стал солдатом. Это случилось 6 июня 1948 года. Мне дали чешское ружьё. Мы узнали, что 34 сирийских танка движутся в нашу сторону. А армия, которая должна была защищать наше поселение, почему-то по приказу командования была выведена в другое место. Мы остались одни. Как видно, сказались разногласия между разными партиями («Мапай» и «Херут»). Уже потом, после войны, я как-то беседовал с одним генералом (главой муниципального совета Бейт Шаан), и спросил его напрямую в чем было дело. Он ушел от ответа, и я понял, что мои предположения были верными, и нам просто не хотели помогать.

Но это было уже потом.

А тогда я был очень горд, что наконец-то перестал быть жертвой и сам смогу защитить себя и свою страну.

Вообще, израильтяне-сабры нехорошо нас приняли в Израиле. Они не понимали, почему мы не защищались от нацистов и называли нас «цон шалах ле тевах», т. е. «стадо баранов на убой». Я расскажу об этом когда-нибудь. И я был рад, что наконец-то я солдат.

Три дня нас обстреливали сирийцы. Я тоже все время стрелял. Я не знаю, попал ли я в кого-то или нет. Я стрелял. Нас было 80 человек. Как видно, сирийцы нашли предателя, и он помог им ворваться в поселок уже в 5 утра. Осталось четыре огневых точки в сторону Рош Пины. Бой был короткий, но наша точка продержалась до 14.

Наши решили сдаться. Из подвала вышел Дуду с белым флагом, но сирийцы застрелили его. Ранили они потом и Цилу, которая скатилась обратно в подвал. Но потом сирийцы все-таки согласились взять пленных.

А мы с другом решили, что последняя граната будет наша.

Мы решили, что хватит убегать. Достаточно мне было уже лагерей. Каждый из нас взял по гранате.

Мы стояли рядом. Мы решили что время пришло, он взорвал гранату.

Потом он произнес слова, которые я не забуду по гроб жизни. Он сказал мне: «Брат, дай еще одну» Я выдернул чеку и дал ему гранату. Раздался еще один взрыв, и я потерял сознание.

Очнулся я оттого, что сирийский солдат ударил меня ногой. Я открыл глаза и увидел, что он направляет штык в мою грудь. Я опять закрыл глаза, чтобы не видеть этого.

Не знаю, почему он меня тогда не заколол штыком. Или пожалел, или решил, что я мертв? Не знаю. Я был весь в крови. В сторону своего друга я не смотрел. Я

стал ползти. Очень хотелось пить. В меня опять стреляли и снова ранили. Я опять потерял сознание.

Я не знаю, кто меня притащил. Кого-то из раненых положили на осла, кого-то несли на плечах. Зеев Шталь? Я был без сознания.

Потом мы перешли Иордан. Что сказать... Нас били, в нас плевали и обзывали. На «скорой» меня возили по трем больницам, я был тяжело ранен.

В первой больнице, в Кунетре, мне отрезали пальцы на ноге. Отрезали два араба. Я не знаю, что они от меня хотели, тогда я еще не понимал ни слова по-арабски.

Хотели еще на руке отрезать, но почему-то не стали.

Не знаю, почему.

Потом еще больница и еще. Мне давали морфий и избивали. Приковали к кровати и избивали. В тюремной больнице я был с самыми отъявленными преступниками.

Я был там единственный еврей-израильтянин.

У меня был охранник, его звали Фенди. Каждый день он избивал меня прикладом, стараясь попасть по изуродованной ноге. Медсестра-иорданка просила его оставить меня в покое, но он ждал, пока она закончит свою смену и избивал меня. Санитары вытаскивали из меня осколки без наркоза, хорошо при этом поработав пинцетами в моем теле.

Сначала я орал от боли, но когда услышал смех медсестры-египтянки, я больше не издавал ни звука. Они приводили на меня смотреть типа «гляди, что мы делаем еврею, а он молчит».

Меня освободили по договоренности об обмене пленными, еще шла война.

Я провел в плену почти год.

Я вернулся в кубуц. Там познакомился со своей женой Риной (Рина умерла около месяца назад — S.G.) В 1951 году у нас родилась первая дочь Эстер. Я назвал ее в честь моей матери.

Я работал бухгалтером, так как на костылях не мог работать в поле. Денег у нас не было, но Рина не очень хорошо чувствовала себя в кибуце, и мы его оставили. Десять еврейских семей получили квартиры в арабском городе Нацерете, и мы были среди них. Арабский я выучил в плену, да и соседи после нашей победы в войне за Независимость относились к нам дружелюбно.

Через год мы переехали в Афулу, а в 1956 году, когда образовался город Нацрат-Илит, мы стали в нем первыми жителями.

Что сказать.

Я не верю в бога. Если он есть, то за что он наказывал людей. Но ладно меня, но за что он погубил всех этих детей, которые погибли в Европе?! Почему моя мать в 48 лет должна была умереть в газовой камере? А немцы? Кого из них наказали потом за то, что они творили? Да почти никого! Все народы Европы грабили евреев в дни войны, как только могли. Разве только немцы?! Австрия, даже

нейтральная Швейцария грабила евреев! Они наказаны?! Нет, они прекрасно живут.

Деньги?! Деньги не могут мне вернуть то, что я потерял.

Я хочу, чтобы все евреи поняли, что единственное место в мире, где еврей может чувствовать себя дома — это здесь.

И не нужно этого стесняться.»

С вами был Саша Галицкий с подстрочным переводом воспоминаний Арье Эйтани, ученика студии резьбы по дереву 94-х лет от роду.